

ЛУЧШАЯ
КНИГА
2020 ГОДА*

Роберт Колкер

ЧТО-ТО НЕ ТАК С ГЭЛВИНАМИ

Идеальная семья,
разрушенная безумием

«Эта реальная история читается как остросюжетное
детективное расследование и проливает свет на про-
блему, с которой многие из нас сталкиваются».

— ОПРА УИНФРИ

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

18+

За закрытой дверью. У каждой семьи свои тайны

Роберт Колкер

**Что-то не так с Гэлвинами.
Идеальная семья,
разрушенная безумием**

«ЭКСМО»

2020

УДК 316.6
ББК 88.5

Колкер Р.

Что-то не так с Гэлвинами. Идеальная семья, разрушенная
безумием / Р. Колкер — «Эксмо», 2020 — (За закрытой дверью.
У каждой семьи свои тайны)

ISBN 978-5-04-158074-2

Лучшая книга 2020 года по версии The New York Times и The Wall Street Journal! Гэлвины казались образцовой американской семьей. Отец — военный, мать-домохозяйка, оба активно участвуют в общественной и светской жизни штата и страны. Двенадцать детей — десять мальчиков и две девочки — гордость семьи, они талантливы и подают большие надежды. Внезапно старшему сыну, успешному студенту университета, ставят диагноз "шизофрения". В течение нескольких лет еще у пятерых сыновей Гэлвинов обнаруживается это серьезное заболевание. Дальше начинается ад: оказывается, за идеальным фасадом скрывалась далеко не идеальная жизнь: физическое и сексуальное насилие, абьюз, наркотики — но родители, Дон и Мими, до последнего закрывали глаза на происходящее. Всё это неминуемо приводит к трагичным последствиям и разобщению членов семьи. На протяжении нескольких десятилетий ученые, психиатры и генетики бьются над загадкой семьи Гэлвинов, выдвигая самые разные гипотезы. Но удастся ли им найти ответ и подарить надежду миллионам людей? В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 316.6
ББК 88.5

ISBN 978-5-04-158074-2

© Колкер Р., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	8
Часть I	15
Глава 1	15
Глава 2	24
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Роберт Колкер
Что-то не так с Гэлвинами. Идеальная
семья, разрушенная безумием

Robert Kolker
Hidden Valley Road

Inside the Mind of an American Family

© Богданов С., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается Джуди и Джону

Пролог

Самый очевидный способ выказывать долготерпение – жить с родителями.
Энн Тайлер

1972

Колорадо-Спрингс, штат Колорадо

Из больших стеклянных дверей кухни на задний дворик родного дома выходят брат и сестра. Они странная пара. Дональду Гэлвину двадцать семь, его голова выбрита наголо, глаза посажены глубоко, а на подбородке заметно подобие неухоженной бороденки на манер библейского пророка. Мэри Гэлвин семь, она вполовину ниже ростом, у нее пепельно-белые волосы и нос пуговкой.

Поля и леса долины Вудмен, где живет семья Гэлвин, уютно расположились в окружении крутых гор и песчаниковых холмов центральной части штата Колорадо. Воздух на участке пропитан ароматом дикой хвои. На альпийской горке рядом с террасой стоит построенный отцом семейства вольтер. В нем уже несколько лет гордо восседает домашний ястреб-тетеревятник по кличке Атолл, которому не дают покоя шныряющие вокруг овсянки и сойки. Девочка шагает впереди. Миновав вольтер, сестра и брат взбираются на невысокий холм по хорошо знакомой тропке из замшелых булыжников.

Дональд – самый старший, а Мэри – младшая из двенадцати детей семьи Гэлвин. Как любит пошутить их отец, хоть футбольную команду создавай. У всех остальных братьев и сестер находятся поводы держаться от Дональда подальше. Те, кто повзрослее, уже живут отдельно, а младшие убегают играть в хоккей, бейсбол или футбол. Сестра Мэри Маргарет – вторая девочка в семье и самая близкая к ней по возрасту – скорее всего, ушла к кому-то из соседских детей, к Скаркам или к Шоптохам. Но второкласснице Мэри обычно некуда пойти после школы, кроме как домой, а там за ней может присмотреть только Дональд.

Все в брате приводит Мэри в замешательство, взять хотя бы его бритую наголо голову и излюбленный наряд – красновато-коричневую простыню, которой он оборачивается на монашеский манер. Порой этот костюм дополняют пластмассовый лук со стрелами, некогда служивший игрушкой его младшим братьям. В этом облачении Дональд днями напролет разгуливает по окрестностям при любой погоде: по их немощеной улице Хидден-Вэлли, мимо женской обители и молочной фермы, по обочинам шоссе и разделительным полосам дорог. Нередко он останавливается у Академии ВВС США, в которой когда-то служил его отец, а теперь большинство знакомых делают вид, что не знают его. У игровой площадки местной начальной школы Дональд застывает и начинает тихим голосом напевать детям песенку на ирландский мотив, сообщающую, что он – их новый учитель. Прекращает он только в ответ на требования директора убираться прочь. Больше всего второклассницу Мэри огорчает то, что всем, кого она только знает в этом мире, известно: Дональд – ее брат.

Мать Мэри уже давно привыкла отшучиваться и вести себя так, будто все в порядке вещей. Лучше бы она признала, что вообще не владеет ситуацией – не понимает происходящего в ее доме, и уж тем более не в состоянии это прекратить. Что же касается самой Мэри, то у нее нет иного выбора, кроме как вообще не реагировать на Дональда. Она замечает, насколько внимание родителей приковано к тревожным проявлениям у всех ее братьев: Питер демонстрирует неповиновение, у Брайана какие-то дела с наркотиками, Ричарда то и дело отстраняют от занятий в школе, Джим постоянно ввязывается в драки, Майкл совершенно отбил от рук.

Мэри понимает: жаловаться, плакать или выказывать любые эмоции – значит дать родителям сигнал, что и с ней что-то не так.

Вообще говоря, дни, когда Мэри видит Дональда в этой его простыне, – далеко не самые неудачные. Иногда, вернувшись из школы, она застаёт старшего брата за занятиями, смысл которых понятен лишь ему одному. Например, он может перетаскивать всю домашнюю мебель на задний двор, травить аквариумных рыбок поваренной солью или засесть в туалете и вызывать у себя рвоту, чтобы вышли прописанные ему таблетки: трифтазин, аминазин, галоперидол, флуфеназин, циклодол. Иногда он молча сидит в гостиной в чем мать родила. Иногда в доме появляются полицейские, которых вызвала мать для подавления очередной стычки между Дональдом и братьями.

Однако по большей части Дональд полностью захвачен религией. Объясняя это тем, что святой Игнатий присудил ему некую «степень в духовных упражнениях и богословии», он целыми днями, а часто и ночами, громко декламирует Апостольский Символ веры, «Отче наш» и изобретенный им самим список «Святого ордена духовенства», состав которого известен только ему. *Deo Optimo Maximo, Бенедиктинцы, Иезуиты, Конгрегация Сестер Святейшего Сердца, Непорочное Зачатие, Дева Мария, Непорочная Мария, Облаты Священного Ордена, Семья Май, Доминиканцы, Святой Дух, Монахи-францисканцы, Единая Святая Соборная, Апостолики, Трапписты...*

Для Мэри эти молитвы – как вечно капающий водопроводный кран. «Прекрати!» – кричит она, но Дональд не прекращает и останавливается, только чтобы перевести дух. В том, что он вытворяет, Мэри видится упрек в адрес всей их семьи, и в первую очередь отца, глубоко верующего католика. Она боготворит своего отца. Так же относятся к нему и все другие дети Гэлвинов, и даже Дональд – до того, как заболел. Мэри завидует, что отец может вот так запросто уходить из дому и возвращаться по собственному усмотрению. Она думает, что ему должно быть приятно ощущать себя хозяином, который трудится не покладая рук, чтобы зарабатывать достаточно.

Самым невыносимым для Мэри является то, насколько иначе относится к ней брат по сравнению со всеми другими. Он вовсе не жесток с ней, а, напротив, добр и даже нежен. Ее полное имя – Мэри Кристина, поэтому Дональд решил, что она – Дева Мария, Мать Христова. «Я – не Она!» – рыдает Мэри каждый раз. Ей кажется, что ее дразнят. К попыткам кого-то из братьев выставить ее на посмеище Мэри не привыкать. Но неподдельная серьезность и трепетное благоговение Дональда злят ее куда больше. Он сделал Мэри объектом своих восторженных молитв и таким образом затягивает в свой мир, находиться в котором ей совершенно не хочется.

Непосредственным проявлением злости, которую испытывает Мэри, стало то, как она задумала решить проблему с Дональдом. Мысль, которая пришла ей в голову, навеяна мону-ментальными драмами на античные и библейские сюжеты, которые время от времени смотрит по телевизору мать. Для начала Мэри предлагает Дональду: «Пойдем сходим на холм». Он согласен – для Святой Девы все, что угодно. «Давай возьмем веревку» – говорит она. Дональд так и делает. В конце концов они взбираются на вершину холма, там Мэри выбирает одну из высоких сосен и сообщает брату, что хочет привязать его к ней. «Давай», – говорит Дональд и вручает ей веревку.

Даже если бы Мэри сейчас сообщила Дональду о своем плане сжечь его у позорного столба как еретика из кино, вряд ли он отреагировал бы на это. Дональд истово молится, стоит, тесно прижавшись к стволу дерева, полностью погруженный в поток своих слов, а Мэри ходит вокруг, приматывая его веревкой до тех пор, пока не будет уверена, что высвободиться ему не удастся. Дональд не сопротивляется.

Она убеждает себя, что никто его не хватится, а заподозрить в чем-то ее никому и в голову не придет. Девочка отправляется за хворостом, приносит несколько охапок валежника и сваливает ему под ноги.

Дональд готов ко всему. Если Мэри действительно та, кем является по его убеждению, то к чему ей отказывать. Он спокоен, терпелив и послушен. Он обожает ее.

Но сегодня Мэри настроена серьезно лишь до определенного момента. У нее нет спичек, поэтому разжечь огонь не получится. Еще важнее, что она не такая, как брат. Она живет на земле и мыслит реальными категориями. По крайней мере, Мэри решает доказать, что это так. В первую очередь себе, а не матери.

И она отказывается от своего плана. Мэри оставляет Дональда связанным и уходит с холма. Он будет молиться в окружении деревьев, цветов и мошкары и останется там очень надолго. Достаточно надолго, чтобы дать Мэри передышку, но не навсегда.

Сейчас при мысли об этом она натянуто улыбается. «Мы с Маргарет смеялись. Не уверена, что другим это вообще показалось бы смешным».

Морозным зимним вечером 2017 года, когда с того дня на холме минуло сорок пять лет (можно считать – целая вечность), женщина, некогда носившая имя Мэри Гэлвин, останавливает свой джип на парковке интерната Пойнт-Пайнс в Колорадо-Спрингс и идет навещать брата, которого когда-то хотела сжечь заживо. Ей за пятьдесят, однако ее взгляд сохранил детскую живость. Теперь ее имя Линдси. Она решила сменить имя сразу же после отъезда из родительского дома – решительная попытка юной девушки порвать с прошлым и стать новым человеком.

Линдси живет в шести часах езды отсюда, неподалеку от горного курорта Теллурайд в штате Колорадо. У нее собственная компания по организации корпоративных мероприятий, и она, как и ее отец, трудится не покладая рук. Ей приходится колесить по всему штату – из дома в Денвер, где проходит подавляющее большинство мероприятий, и в Колорадо-Спрингс, чтобы уделить внимание Дональду и другим родным. Муж Рик работает инструктором в горнолыжной школе Теллурайда, у них двое детей старшего подросткового возраста. Все нынешние знакомые считают Линдси спокойной, уверенной в себе улыбчивой женщиной. За многие годы она в совершенстве научилась делать вид, что все нормально, даже когда дела обстоят ровно наоборот. Предположить, что под этим обликом таится что-то другое, какая-то неизбывная меланхолия, можно только по язвительным замечаниям, которые она изредка себе позволяет.

Дональд дожидается ее в холле первого этажа. Самому старшему из ее братьев сильно за семьдесят. Он небрежно одет в плохо проглаженную полосатую рубашку навыпуск и шорты карго. Седина на висках, подбородок с ямочкой и густые черные брови придают ему авторитетный вид, явно не соответствующий обстановке. Он мог бы сойти за персонажа гангстерского фильма, не будь его походка настолько скованной, а голос слишком тихим. «У него все еще остается чуть-чуть этого аминазинового шарканья в походке», – говорит Крисс Прадо, один из менеджеров интерната. Сейчас Дональд принимает клозапин – антипсихотический препарат «последней инстанции», одновременно и высокоэффективный, и высокорискованный с точки зрения крайне неблагоприятных побочных эффектов, вплоть до воспаления сердечной мышцы, белокровия и даже судорожных припадков. Одним из последствий долгой жизни с шизофренией является то, что с какого-то момента лекарства начинают наносить такой же ущерб, как и болезнь.

Увидев сестру, Дональд встает и направляется к выходу. Обычно Линдси приезжает, чтобы отвезти его повидаться с другими членами семьи. Тепло улыбнувшись, Линдси говорит, что сегодня они никуда не едут – она здесь, чтобы проведать его и поговорить с врачами. Дональд отвечает легкой улыбкой и садится обратно в кресло. Кроме Линдси, навестить его не приезжает никто из родных.

На протяжении нескольких десятилетий Линдси осмысливала опыт своего детства и во многом продолжает заниматься этим до сих пор. На данный момент она уяснила главное: невзирая на сотню с лишним лет исследований, шизофрения все еще труднообъяснима. Есть целый перечень различных симптомов: галлюцинации, бредовые идеи, голоса, коматозные состояния. Существуют и языковые особенности вроде неспособности освоить простейшие образные выражения. Психиатры говорят об «ослаблении ассоциативных связей» и «дезорганизованном мышлении». Но для Линдси остается загадкой, почему в такие дни, как сегодня, Дональд бодр и даже жизнерадостен, а в другие – подавлен и требует везти его в психиатрическую клинику штата в Пуэбло, в которой он лежал больше дюжины раз за пятьдесят лет и где, как он часто говорит, ему нравится находиться. Ей остается только гадать, почему, когда его приводят в супермаркет, Дональд всегда покупает две бутылки геля для стирки *All*, радостно объявляя: «Это самое лучшее средство для душа!» Или почему, спустя почти пятьдесят лет, он все еще декламирует то самое перечисление религиозных названий: *Бенедиктинцы, Иезуиты, Конгрегация Сестер Святейшего Сердца...* Или почему на протяжении примерно столь же долгого времени Дональд регулярно безапелляционно утверждает, что на самом деле он потомок осьминогов.

Однако, возможно, самое ужасное в шизофрении (и то, что разительно отличает ее от таких психических заболеваний, как аутизм или болезнь Альцгеймера, которые размывают и стирают наиболее характерные черты личности человека) – ее ничем не прикрытая эмоциональность. Симптомы не сглаживают, а усиливают все подряд. Они оглушают, подавляют больных и приводят в ужас их близких, не оставляя им возможности разумно осмысливать происходящее. Обычно шизофрения воспринимается родными так, будто фундамент семьи навсегда накренился в сторону больного. Даже если болезни подвержен лишь один из детей, во внутренней логике семьи меняется все.

Семью Гэлвинов никак нельзя было считать обычной. В то же время, когда у всех на виду протекала болезнь Дональда, потихоньку надламывалась психика еще пятерых братьев Гэлвин.

Питер, самый младший из мальчиков и главный бунтовщик в семье, маниакально непокорный и годами отказывавшийся от любой помощи.

Мэттью, талантливый художник-гончар, который в те моменты, когда не считал себя Полом Маккартни, был убежден, что погода зависит от его настроения.

Джозеф, самый тихий и самоуглубленный из больных мальчиков, который наяву слышал голоса из других времен и мест.

Джим, второй по старшинству, волк-одиночка, который яростно враждовал с Дональдом и постоянно издевался над самыми незащитными членами семьи – особенно над девочками, Мэри и Маргарет.

И, наконец, Брайан, безупречный *любимец* всех в доме, хранивший свои потаенные страхи втайне от всех и навсегда изменивший жизни всех членов своей семьи единственным непостижимым актом насилия.

Двенадцать детей семьи Гэлвин идеальным образом вписались в эпоху беби-бума. Дональд родился в 1945-м, Мэри – в 1965-м. Их век был веком Америки. Родители Мими и Дон появились на свет сразу после Великой войны¹, познакомились во время Великой депрессии², поженились в дни Второй мировой войны и обзавелись детьми в период холодной войны. В свои лучшие времена Мими и Дон казались олицетворением всех самых прекрасных черт своего поколения: духа приключенчества, трудолюбия, ответственности и оптимизма (людей с двенадцатью детьми, последние из которых появились на свет вопреки советам врачей, можно

¹ Первая мировая война 1914–1918 гг. – *Прим. пер.*

² Мировой экономический кризис 1929–1939 гг. – *Прим. пер.*

с уверенностью считать оптимистами). По мере разрастания семейства они становились свидетелями смены нескольких тенденций в жизни общества. А затем и сама семья Гэлвин внесла свой вклад в развитие социума, став ошеломляющим практическим случаем самой озадачивающей из человеческих болезней.

Шестеро мальчиков из семьи Гэлвин заболели в то время, когда при наличии множества противоречащих друг другу теорий о шизофрении было доподлинно известно настолько мало, что поиски причин затмили все остальное. Эти дети пережили принудительное лечение и шоковую терапию. Сторонники психотерапевтического и медикаментозного подходов вели дискуссии, ученые продолжали безнадежные поиски генетических маркеров болезни и выражали фундаментальные разногласия относительно причин и происхождения заболевания как такового. Болели мальчики Гэлвин совершенно неодинаково: у Дональда, Джима, Брайана, Джозефа, Мэттью и Питера заболевание протекало по-разному и требовало различных способов лечения. Их диагнозы то и дело изменялись на фоне появления противоречащих друг другу теорий о природе шизофрении. Некоторые из этих теорий были особенно жестоки по отношению к родителям таких детей, которые безропотно принимали вину на себя, как будто это именно их действия или бездействие стало причиной болезни. Трудности, обрушившиеся на целую семью, служат прямым отражением истории исследований шизофрении, которая десятилетиями принимала форму длительного спора не только о причинах болезни, но и о том, что она представляет собой на самом деле.

Оставшиеся психически здоровыми дети оказались во многих отношениях затронуты нездоровьем своих братьев. В любой семье с двенадцатью детьми сохранить индивидуальность достаточно трудно. Эта же семья развивалась совершенно особым образом, потому что состояние психической болезни превратилось в норму и стартовую позицию для всего остального. Для Линдси, ее сестры Маргарет и братьев Джона, Ричарда, Майкла и Марка принадлежность к семье Гэлвин означала, что придется либо сходить с ума самому, либо наблюдать, как это делают близкие. Они провели детство в обстановке бесконечной психической болезни. И хотя их миновали бредовые идеи, галлюцинации и паранойя, им казалось, что и в них тоже присутствует некая нестабильная составляющая. Как скоро она возобладает и над ними?

Самой младшей Линдси пришлось хуже всех. Она была совершенно незащищена перед необходимостью принимать страдания от тех, кто, казалось бы, должен любить ее. Ребенком ей хотелось лишь одного – превратиться в кого-то еще. Она могла бы уехать из Колорадо, начать все заново, стать другим человеком и стереть из памяти то, что пришлось пережить. Ей хотелось как можно скорее стать другой и никогда не возвращаться.

И тем не менее сейчас Линдси в интернате Пойнт-Пайнс. Она приехала, чтобы проверить, не нужно ли брату, некогда вселявшему в нее ужас, пройти кардиологическое обследование, оформил ли он все нужные бумаги, хорошо ли врачи следят за его состоянием. То же самое она делает и для других больных братьев – тех, кто еще жив. Сегодня Линдси особенно внимательно наблюдает за тем, как выглядит разгуливающий по коридорам Дональд. Она опасается, что он плохо следит за собой, и хочет, чтобы ему было максимально хорошо.

Несмотря ни на что, она его любит. Как произошла такая перемена?

Математически вычислить вероятность существования такой семьи, тем более той, которая довольно долгое время оставалась не затронутой заболеванием, практически невозможно. Точная генетическая структура плохо поддается определению; она проявляет себя, но вскользь, как мелькающая тень на стене пещеры. Вот уже более сотни лет ученые понимают, что одним из главных факторов риска возникновения шизофрении является наследственность. Парадокс в том, что, судя по всему, эта болезнь не переходит непосредственно от родителя к ребенку. Психиатры, нейробиологи и генетики были едины во мнении, что существует некий код заболевания, но они никак не могли его отыскать. И тут появились Гэлвины, которые в

силу одного только количества случаев предоставили такие широкие возможности проникнуть в суть генетического процесса, о которых никто и не помышлял. Действительно, до этого в науке не встречались шестеро родных братьев с полностью идентичной генетической линией, проживающих в одной семье.

С 1980-х годов семья Гэлвин стала объектом исследований ученых, искавших ключ к пониманию шизофрении. Генетические материалы братьев изучались в Медицинском научном центре Колорадского университета, Национальном институте психиатрии и в нескольких крупных фармацевтических компаниях. Как и во всех подобных случаях, участие в исследованиях было полностью конфиденциальным. Но сегодня, после почти четырех десятилетий научной деятельности, можно наконец открыто сказать о вкладе, который внесли Гэлвины. Образцы их генетических материалов послужили основой научной работы, которая открывает нам путь к пониманию шизофрении. Изучение ДНК членов этой семьи в сопоставлении с образцами генетических материалов обычных людей вплотную приблизило ученых к существенным достижениям в области лечения, прогнозирования и даже предупреждения болезни.

До последнего времени Гэлвины совершенно не осознавали, насколько они могли быть полезны другим, и не обращали внимание на то, какие перспективы открывала их ситуация для целого ряда ученых. Но знания, которые благодаря им почерпнула наука, составляют лишь малую часть истории жизни семьи. Все начинается с родителей, Мими и Дона, и их совместной жизни, взлетавшей к вершинам безграничных надежд и уверенности в своих силах, но застывшей в воздухе и рухнувшей в пучину трагедии, хаоса и отчаяния.

Однако жизнь их детей – Линдси, ее сестры и десяти братьев – всегда была историей о чем-то еще. Если считать детство этих мальчиков и девочек отражением американской мечты в кривом зеркале сумасшедшего дома, то их дальнейшая жизнь – все происходящее после того, как это кривое зеркало разбивается.

Это история о том, как повзрослевшие дети разбираются с загадками собственных детских лет, восстанавливают элементы мечты их родителей и формируют из них нечто совершенно новое.

О том, как они заново очеловечили собственных братьев, полностью списанных со счетов подавляющей частью общества.

О том, как обрести новое понимание семьи даже после того, как произошло все самое худшее, что можно было себе представить.

Семья Гэлвин

Родители

«Дон» Дональд Уильям Гэлвин

Родился в Куинсе, Нью-Йорк, 16 января 1924 года

Умер 7 января 2003 года

«Мими» Маргарет Кеньон Блейни Гэлвин

Родилась в Хьюстоне, штат Техас, 14 ноября 1924 года

Умерла 17 июля 2017 года

Дети

Дональд Кеньон Гэлвин

Родился в Куинсе, Нью-Йорк, 21 июля 1945 года

Был женат на Джин, разведен

Джеймс Грегори Гэлвин

Родился в Бруклине, Нью-Йорк, 21 июня 1947 года

Был женат на Кэти, разведен, один ребенок

Умер 2 марта 2001 года

Джон Кларк Гэлвин

Родился в Норфолке, штат Вирджиния, 2 декабря 1949 года

Женат на Нэнси, двое детей

Брайан Уильям Гэлвин

Родился в Колорадо-Спрингс, штат Колорадо, 26 августа 1951 года

Умер 7 сентября 1973 года

«Майкл» Роберт Майкл Гэлвин

Родился в Колорадо-Спрингс, штат Колорадо, 6 июня 1953 года

Был женат на Адель, разведен, двое детей

Женат на Бекки

Ричард Кларк Гэлвин

Родился в Уэст-Пойнт, Нью-Йорк, 15 ноября 1954 года

Был женат на Кэти, разведен, один ребенок

Женат на Рене

Джозеф Бернард Гэлвин

Родился в Новато, штат Калифорния, 22 августа 1956 года

Умер 7 декабря 2009 года

Марк Эндрю Гэлвин

Родился в Новато, штат Калифорния, 20 августа 1957 года

Был женат на Джоанне, разведен

Женат на Лисе, трое детей

Мэттью Аллен Гэлвин

Родился в Колорадо-Спрингс, штат Колорадо, 17 декабря 1958 года

Питер Юджин Гэлвин

Родился в Денвере, штат Колорадо, 15 ноября 1960 года

Маргарет Элизабет Гэлвин Джонсон

Родилась в Колорадо-Спрингс, штат Колорадо, 25 февраля 1962 года

Была замужем за Крисом, разведена

Замужем за Уайли Джонсоном, дочери Элли и Салли

«Линдси» Мэри Кристина Гэлвин Роч

Родилась в Колорадо-Спрингс, штат Колорадо, 5 октября 1965 года

Замужем за Риком Рочем, сын Джек, дочь Кэти

Часть I

Глава 1

Дон
Мими

Дональд
Джим
Джон
Брайан
Майкл
Ричард
Джо
Марк
Мэтт
Питер
Маргарет
Мэри

1951

Колорадо-Спрингс, штат Колорадо

Каждый раз, когда Мими Гэлвин приходилось в очередной раз заниматься чем-то прежде совершенно невообразимым для себя самой, она делала паузу и размышляла, что же именно стало причиной происходящего. Было ли виной всему беспечное романтическое решение бросить колледж ради замужества в разгар войны? Череда беременностей, которые она не собиралась прерывать, даже если бы Дон настаивал на этом? Внезапный переезд на запад страны в совершенно чужие ей места? Но, наверное, из всех этих решений самым неординарным было то, которое заставило Мими, дочь техасских аристократов, волею судеб оказавшуюся в Нью-Йорке, ухватить мертвой хваткой одной руки живую птицу, чтобы другой рукой зашить ей веки заранее подготовленными иголкой с ниткой.

Она услышала этого ястреба до того, как увидела его. Ночью, когда она, Дон и мальчики спали в своем новом доме, раздался странный звук. Их предупреждали насчет койотов и пум, но этот звук был совершенно иным – высоким и потусторонним. Утром Мими вышла из дому и заметила под тополями небольшую россыпь перьев. Дон предложил показать эти перья своему новому знакомому Бобу Стэблеру – преподавателю зоологии в Колорадском колледже, который жил неподалеку от них.

Жилище дока Стэблера было не похоже ни на что, когда-либо виденное Доном и Мими в Нью-Йорке. Его дом одновременно служил выставкой живых рептилий, в основном змей, одна из которых была на воле – водяной щитомордник обмотался кольцом вокруг спинки деревянного стула. Дон и Мими взяли с собой троих сыновей – шести, четырех и двух лет от роду. Когда один из мальчиков отшатнулся при виде змеи, Мими взвизгнула.

– Что такое? Испугался, что он укусит тебя, малыш? – с улыбкой спросил Стэблер.

Зоолог без труда определил принадлежность перьев. На протяжении нескольких лет он в качестве хобби занимался дрессировкой ястребов и соколов. Дон и Мими ничего не знали о соколиной охоте и поначалу лишь изображали интерес к пространному рассказу Стэблера

о том, что в Средние века владеть соколом разрешалось только обладателям титула не ниже графского. Док сообщил, что в этой части Колорадо водится в основном мексиканский сокол – родственник обычного и ничуть не менее божественной красоты создание. А затем и Мими, и Дон невольно увлеклись этими историями. Им казалось, что их впустили в один из величественных тайных миров, которые они только начинали осваивать. В устах нового знакомого все это звучало как некие древние ритуалы, доступные в наши дни лишь немногим посвященным. Стэблер и его друзья приручали те же породы диких птиц, что некогда Чингисхан, Аттила, Мария Стюарт и Генрих VII, и делали это очень похожими способами.

На самом деле Дону и Мими стоило поселиться в Колорадо-Спрингс лет на пятьдесят раньше. В те времена сюда с удовольствием приезжали в числе прочих Маршалл Филд³, Оскар Уайльд и Генри Уорд Бичер⁴, каждый из которых стремился проникнуться природными чудесами американского Запада. Их манили гора Пайкс-Пик высотой четыре тысячи двести метров, названная в честь исследователя Зебулона Пайка, который, впрочем, так и не взойшел на ее вершину. Природный парк «Сад богов» с будто специально устроенными эффектными выбросами песчаниковых пород, смутно напоминающих головы острова Пасхи. А еще здесь был курортный городок Маниту-Спрингс, в который наведывались самые богатые и рафинированные американцы, чтобы испытать новейшие псевдонаучные методы оздоровления. Но к моменту приезда Дона и Мими зимой 1951 года эти места уже давно утратили былой оттенок элитарности, и Колорадо-Спрингс вернулся к состоянию засушливого провинциального городка, настолько маленького, что если в нем проводили международный слет бойскаутов, то его участников было больше, чем местных жителей.

Поэтому обнаружить прямо у себя под носом, в глухом захолустье, величественную традицию, отсылающую к дворянству и царствующим особам, стало потрясением для Мими и Дона, которые питали общую любовь к культуре, истории и утонченности. Они безнадежно увлеклись этой темой. Однако потребовалось определенное время, чтобы вступить в клуб. Помимо дока Стэблера, никто не был готов обсуждать соколиную охоту с Гэлвинами. Похоже, это занятие стало эксклюзивным, и обычным орнитологам-любителям того времени еще только предстояло увлечься этими замечательными птицами.

Мими совершенно не помнила как, но Дон сумел раздобыть экземпляр *Baz-nama-yi Nasiri*, персидского трактата о соколиной охоте, переведенного на английский всего за пару десятилетий до этого. Из этой книги они узнали, как построить ловушку – купол из мелкой проволочной сетки, прикрепленный к круглому основанию размером с хулахуп. Следуя инструкциям, Мими и Дон разложили приманку из нескольких мертвых голубей. К проволочной сетке были прикреплены рыболовные лески с узлами-удавками, чтобы ловить любую птицу, которая клюнет на приманку.

Первым посетителем стал краснохвостый ястреб, который попытался улететь, утащив за собой всю ловушку. Его догнал и изловил английский сеттер Гэлвинов. Это была первая дикая птица, которая попала к Мими. Подобно собаке, гонящейся за пожарной машиной, она понятия не имела, что станет делать, когда кого-то поймает.

И Мими отправилась к доку Стэблеру с ястребом в руке. «Ну, нормально у тебя получилось. Теперь зашей ему веки», – сказал он.

Стэблер пояснил, что веки защищают глаза хищных птиц, когда они пикируют со скоростью больше трехсот километров в час. Но, чтобы выдрессировать ястреба или сокола так же, как это делали сокольничьи короля Генриха VIII, нужно временно зашить птице глаза. При отсутствии визуальных отвлечений ястреба можно сделать зависимым от воли сокольничего,

³ Маршалл Филд (1834–1906) – знаменитый американский предприниматель, создатель торговой сети Marshall Field. – Прим. пер.

⁴ Генри Уорд Бичер (1813–1887) – американский религиозный деятель, брат писательницы Гарриет Бичер Стоу. – Прим. пер.

от звука его голоса и прикосновений рук. Зоолог предупредил Мими: «Следи, чтобы швы не были слишком тугими или слабыми. И не проткни иголкой глаза». Похоже, существовала масса способов испортить эту птицу. И все же – что привело к этому Мими?

Она была испугана, но кое-какой опыт у нее был. Во время Великой депрессии мать Мими шила одежду (у нее даже была собственная компания) и позаботилась о том, чтобы обучить некоторым навыкам дочь. Со всей тщательностью, на которую была способна, Мими поочередно обметала края век. Закончив с этим, она связала длинные концы ниток в узел и запрятала его в перья на голове птицы, чтобы не дать ей теревить его.

Стэблер похвалил работу Мими. «А теперь нужно обязательно продержат его на руке в течение сорока восьми часов», – сказал он.

Мими оторопела. Интересно, как у Дона получится ходить по коридорам авиабазы Энт, где он служит инструктором, с ослепленным ястребом на руке? А если он не сможет, то как ей самой мыть посуду и ухаживать за тремя маленькими детьми?

Они поделили задачу между собой. Мими взяла себе дневное время, а Дон ночное. На своих ночных дежурствах по авиабазе он привязывал птицу к стулу в помещении, в котором проводил большую часть времени. Лишь однажды туда зашел кто-то из старших офицеров и заставил птицу «биться» – на языке соколятников это означает паническую попытку улететь. Разлетелись в разные стороны и секретные документы. После этого случая Дон стал на авиабазе знаменитостью.

После истечения сорока восьми часов Мими и Дон получили успешно одомашненного ястреба. Сделанное доставило им чувство огромного удовлетворения. Это было и постижением мира дикой природы, и одновременно установкой контроля над ним. Методы приручения таких птиц могут быть суровыми и жестокими. Но последовательность, самоотдача и дисциплина в этом деле щедро вознаграждают себя.

Довольно похоже на воспитание детей, частенько думали они.

В детстве Мими Блейни залезала под домашний рояль и слушала, как бабушка играет на нем Шопена и Моцарта. Когда бабушка принималась играть на скрипке, Мими зачарованно смотрела, как ее тетя танцует что-то цыганское перед камином, в котором потрескивают поленья. А когда вокруг не было взрослых, бледная темноволосая малышка пяти лет от роду занималась тем, что ей не разрешалось. В семье был граммофон, который чаще ломался, чем работал, и пластинки (толщиной и весом напоминающие колесные диски) с музыкой, которую Мими ужасно хотелось послушать. Если обстановка позволяла, девочка водружала пластинку на аппарат, опускала на нее иглу и крутила диск пальчиком. Таким образом она раз за разом получала некоторое представление об опере.

Дед Мими, Говард Пуллман Кеньон, был инженером-строителем и заработал состояние на гидротехнических работах. Задолго до рождения Мими он основал компанию, которая занималась углублением фарватеров рек в пяти штатах и строила дамбы на Миссисипи. Мать Мими, Вильгельмина, которую все называли Билли, ходила в частную школу в Далласе, и когда учителя спрашивали ее: «А чем занимается твой папа?» – с напускной скромностью отвечала: «Канавы роет». На пике богатства в 1920-х годах у семьи Кеньон был собственный остров в устье реки Гвадалупе неподалеку от тexasского города Корпус-Кристи. Там дед разводил окуней в вырытом специально для этой цели пруду. Большую часть года семья жила в величественном старом особняке на бульваре Кэрлайн в Хьюстоне. У подъезда дома красовались два автомобиля Pierce Arrow⁵. Автопарк разрастался по мере достижения совершеннолетия каждым из пятерых детей Кеньонов.

В детстве Мими наслушалась самых разнообразных историй о своей семье. В последние годы жизни она будет пересказывать их знакомым, соседям и первым встречным как тайны, слишком восхитительные, чтобы унести их с собой. Первый тexasский дом Кеньонов был продан родителям Говарда Хьюза⁶. ... Сам Говард Хьюз учился вместе с матерью Мими в Richardson

⁵ Pierce Arrow – американская марка люксовых автомобилей, прекратившая существование в конце 1930-х годов. – *Прим. пер.*

⁶ Говард Хьюз (1905–1976) – легендарный американский мультимиллионер, авиапромышленник и медиамагнат. – *Прим. пер.*

School, любимом учебном заведении хьюстонской элиты... Увлекавшийся полезными ископаемыми, дедушка Кеньон как-то раз отправился в горы Мексики искать золото и попал в плен к Панчо Вилье⁷... Мексиканский революционер был настолько впечатлен его знанием географии Мексики, что между двумя мужчинами завязалась тесная дружба... Неуверенность в себе или, возможно, просто пытливый ум заставляли Мими то и дело возвращаться к этим историям. Ей было приятно лишний раз напомнить себе о том, что она происходит из круга избранных.

По меркам Кеньонов, выбор будущего мужа матерью Мими был вполне обоснованным. Жених не только успешный 26-летний торговец хлопком, но и сын ученого, объехавшего весь мир в качестве доверенного лица банкира и филантропа Отто Кана. Семьи Билли Кеньон и Джона Блейни прекрасно ладили, и молодым, казалось бы, суждено прожить жизнь, полную возвышенных устремлений и открытий. Они обзавелись собственным домом и двумя дочерьми: в 1924 году на свет появилась Мими, а спустя два с половиной года – Бетти. Первая настоящая драма разразилась в семье в начале 1929 года. Отец Мими оказался неспособным соответствовать репутации своей семьи практически ни в одном серьезном вопросе, да еще и заразил мать Мими гонореей.

Пригрозив зятю ружьем, дед Кеньон устроил дочери быстрый развод. Билли с девочками вернулась жить в семейный дом в Хьюстоне. Она была обессилена и находилась на грани полного отчаяния. Разведенной и оскандаленной матери двух малышей не приходилось рассчитывать на то, чтобы как-то устроить свою жизнь в кругах, где вращалась семья Кеньон. Ситуация казалась безвыходной, но ровно до тех пор, пока пару месяцев спустя мать Мими не влюбилась в художника из Нью-Йорка.

Бен Сколник был в городе проездом по пути в Калифорнию, где собирался работать над фреской. Он обладал хорошим вкусом, его родители занимались научной работой, но в Хьюстоне он не совсем приходился ко двору не столько из-за своей профессии, сколько из-за еврейского происхождения. Родители Билли встречались с Беном только за городом, чтобы этого никто не видел. Однако, когда Бен сделал Билли предложение, мать посоветовала ей согласиться. Неважно, что родные Билли думали о евреях вообще и о Бене Сколнике в частности, они прекрасно понимали, что для нее это шанс.

Летом 1929 года дед Кеньон отвез Мими с матерью и младшей сестрой в Галвестон и посадил на яхту, которая перевезла их в Новый Орлеан. Там они взошли на борт круизного лайнера компании Cunard, отправлявшегося в Нью-Йорк. Будущую миссис Сколник и ее дочерей пригласили за стол капитана корабля, где были обязательны хорошие манеры, включая пользование чашами для ополаскивания пальцев. Мими оказалась подвержена морской болезни, но даже когда она чувствовала себя нормально, это путешествие ей не нравилось. Ее волновал вопрос, будет ли в ее жизни хоть какая-то стабильность. Позже она задастся этим вопросом еще много-много раз.

Вновь созданная семья испытывала трудности с самого начала. Из-за экономического кризиса Бен перестал получать заказы на стенные росписи. Благодаря своему хорошему воспитанию и знанию толка в тканях Билли смогла устроиться работать в Masy's⁸. Со временем она создала собственный пошивочный цех в Швейном квартале Манхэттена, и это сделало финансовое положение семьи несколько более устойчивым. Пока она была на работе, девочки оставались на попечении Бена и его родных в маленьком домике в Беллроузе – на окраине города, практически на границе с Лонг-Айлендом.

⁷ Панчо Вилья – лидер крестьянских повстанцев в период Мексиканской революции 1910–1917 гг. – *Прим. ред.*

⁸ Masy's – дорогой нью-йоркский универмаг. – *Прим. пер.*

Нью-Йорк нравился Мими все больше. Они с сестрой захватывали с собой пакеты с ланчем, добирались с пересадками до Манхэттена и шли в музей Метрополитен, после чего проходили через Центральный парк к Музею естественной истории и возвращались домой к вечеру. Благодаря программе поддержки искусств периода Нового курса⁹ Мими могла смотреть театральные представления на стадионах и в школьных актовых залах. Вместе со школой она впервые поехала на экскурсию в планетарий и океанариум. Впервые в жизни она побывала на балете, посетив постановку Леонида Мясина¹⁰ в стенах музея Метрополитен. Мими никогда не забудет это зрелище: ей тогда показалось, что двенадцать юных балерин приехали из далекой России специально, чтобы станцевать для нее. Хотя в первом познанном Мими мире были и патефон Victrola, и рояль, и загородный клуб, и балы хьюстонской Молодежной лиги, этот новый мир привлекал ее значительно сильнее. «Я обожала свое нью-йоркское детство. Ведь это действительно самое лучшее образование, которое только можно получить», – говорила она.

В будущем, всякий раз, когда Мими казалось, что все идет наперекосяк, воспоминания о восхитительном нью-йоркском детстве и блестящей хьюстонской родне служили ей утешением. Во времена депрессии у дедушки Кеньона начались серьезные трудности, ему пришлось уволить своих преданных слуг, но он великодушно разрешил им остаться жить в имении и не платить арендную плату... Однажды Мими с матерью ехали в Техас в одном вагоне с Чарли Чаплином, и она играла с детьми Маленького Бродяги (теми еще сорванцами, надо сказать)... В 1930-х мать Мими сопровождала дедушку в поездке по Мексике и там как-то выпивала с Фридой Кало и познакомилась с ее русским приятелем-эмигрантом по имени Лев Троцкий...

На взгляд Мими, все это было куда интереснее, чем то, что Бен Сколник сильно пил, или то, что она никогда больше не виделась со своим настоящим отцом Джоном Блейни и очень страдала от этого. Она сильно жаждала жизни, которая была бы в равной степени спокойной, защищенной и незаурядной.

⁹ «Новый курс» – обобщающее название экономических и социальных программ, предпринятых администрацией президента Рузвельта в 1933–1939 гг. – *Прим. пер.*

¹⁰ Л. Ф. Мясин (1896–1979) – танцовщик и хореограф русского происхождения, работавший в те годы в США. – *Прим. пер.*

Мими познакомилась с человеком, который предложил ей такую жизнь, в 1937 году. Оба они были, в сущности, детьми. Четырнадцатилетний Дон Гэлвин, долговязый и бледный мальчик с такими же, как у нее, темными волосами. Она почти на год младше, прилежная, но всегда готовая повеселиться девочка. Они встретились на соревнованиях по плаванию, она сделала фальстарт, прыгнув в воду до свистка, и его отправили возвращать ее обратно. После знакомства Дон пригласил Мими на свидание. Такое случилось с ней впервые. Она согласилась.

Дон был серьезным мальчиком, собирался поступать в колледж и много читал. Все это нравилось Мими. А еще его внешность полностью соответствовала американским представлениям о мужской привлекательности того времени: худое продолговатое лицо с зализанными назад волосами – явно будущий дамский любимец. Дон не очень много общался с окружающими, однако стоило ему открыть рот, как к нему начинали прислушиваться. Дело было не столько в том, что он говорит, а в том, как это звучало. Дон обладал богатым голосом и произносил каждую свою фразу плавно и вкрадчиво. Впоследствии один из его сыновей, Джон, говорил, что с таким голосом «можно из людей веревки вить».

Мать Мими терзали сомнения, отдававшие определенным снобизмом. Гэлвины были ревностными католиками, то есть принадлежали к кругу настолько же чуждому протестантам Кеньонам, как и евреи до знакомства Билли с Беном. Отец Дона работал специалистом по рационализации производства на бумажной фабрике, а мать – школьной учительницей. Это тоже не слишком впечатляло мать Мими.

Правда, налицо был обоюдный снобизм. Мать Дона заметила, что от лица пары всегда говорит только Мими. Не значит ли это, что она собирается помыкать ее младшим сыном? А потом с обеих сторон появился назойливый мотив, преследовавший пару многие годы: «Вы же еще так молоды».

Однако ничто не могло переубедить их в том, что они созданы друг для друга. Разумеется, их интересы совпадали не полностью: он обожал бейсбольный клуб Dodgers, она – балет. Когда им было шестнадцать и пятнадцать, Мими уговорила Дона сходить с ней на балет «Петрушка» с Александрой Даниловой, русской балериной, сбежавшей из СССР с труппой Джорджа Баланчина. Дон вернулся домой в полном восторге от увиденного и в течение нескольких дней терпел издевки своих братьев по этому поводу. Летом Билли увезла Мими из города под предлогом необходимости навестить бабушку Кеньона. Она не слишком скрывала, что хочет хоть на какое-то время оторвать Мими от Дона. Ничего не вышло: Мими постоянно писала Дону письма. Когда они вернулись, Дон повел Мими в кино на «Волшебника страны Оз», и парочка пела и приплясывала по пути домой. Той осенью они были неразлучны: вместе ходили на танцы, школьные баскетбольные матчи и вечеринки, пятничные посиделки у костра. Весной, когда было тепло, они выезжали на южное побережье Лонг-Айленда и устраивали себе пляжные пикники с жареными мидиями.

Постепенно все сблизились. Незадолго до выпуска Дона его родители пригласили на ужин Мими и ее семью. Дом Гэлвинов выглядел более зажиточным, чем жилье родителей Мими: двухэтажный, с огромной гостиной, застеленной пушистым красным восточным ковром. Билли обратила на это внимание. С тех пор Дона стали регулярно приглашать домой к Мими по пятницам поиграть в скрэббл. Во время ответных визитов Мими дурачилась с Доном и его братьями Джорджем и Кларком, такими же симпатичными, как и он сам. Даже мать Дона оттаяла после того, как парочка съездила в музей Клойстерс¹¹ и Мими написала за Дона заметку для школьной газеты об увиденных гобеленах. Мими помогала Дону стать лучше, и это вполне устраивало его мать.

¹¹ Музей Клойстерс – музей в Нью-Йорке, в экспозиции которого представлены артефакты средневекового европейского искусства. – *Прим. пер.*

Не все в их романе происходило без усилий. Каждый уикенд Дон в качестве великого магистра школьного братства Сигма-Каппа-Дельта выступал распорядителем на танцах. Однажды решившись не позволить сопровождать его кому-либо еще, Мими разбивалась в лепешку, чтобы каждую неделю предстать в новом платье. Видимо, это была своего рода цена за право считаться постоянной подружкой парня, которого в школьной газете однажды назвали «главным школьным Ромео». «От очень скрытного и осторожного мистера Дона Гэлвина нам удалось получить лишь категорический отказ обсуждать его сердечные дела».

В нем – не только в его внешности, но и в спокойной, беззаботной уверенности в себе – было нечто, что делало его одновременно и неотразимым, и, странным образом, недостижимым. Этот ореол загадочности играл за Дона большую часть его жизни. В отношениях с Мими это выглядело так, будто она принадлежит ему, а сам он – общее достояние.

Честолюбивые устремления Дона очень нравились Мими, хотя в глубине души она хотела бы иметь его у себя под боком постоянно. Окончив среднюю школу, он сказал, что хочет работать в Госдепартаменте и разъезжать по всему миру. Осенью 1941 года, буквально за пару месяцев до Перл-Харбора¹², он поступил на международное отделение Джорджтаунского университета в Вашингтоне. Годом позже Мими поступила в колледж Худ во Фредерике (штат Мэриленд), чтобы быть к нему поближе. Но очень скоро война настигла их обоих.

В 1942 году, учась на втором курсе университета, Дон записался резервистом в морскую пехоту. В следующем году его направили на базу морской пехоты США в Вилланова в Пенсильвании для прохождения восьмимесячного курса подготовки инженеров-механиков. Перед окончанием обучения курсантам предложили перевод в действующую армию в упрощенном порядке: желающие могли сразу же перевестись в ВМФ с гарантированным поступлением в офицерскую школу. Дона это устроило. 15 марта 1944 года он приступил к занятиям на мичманских курсах в Асбери-Парк (штат Нью-Джерси), после окончания которых дожидался распределения в Коронадо (штат Калифорния). В ноябре Дона назначили мотористом высадочной баржи на новейшем десантно-транспортном корабле «Грэнвилл», предназначенном для участия в боевых действиях в южной части Тихого океана. Дон отправлялся на войну.

Незадолго до Рождества, буквально за пару недель до отплытия, Дон позвонил Мими из Коронадо и поинтересовался, не хочет ли она навестить его? Мими спросила разрешения у матери, и Билли дала добро. Сразу же после приезда Мими они отправились в Тихуану¹³, чтобы пожениться. Символическим свадебным путешествием стала обратная дорога в Коронадо, там пара простилась в рыданиях. По пути домой Мими сделала остановку в Техасе у Кеньонов и там впервые почувствовала утреннюю тошноту.

Скоропалительность, с которой пара вступила в брак, внезапно получила основание: за несколько недель до этого Дон ненадолго посетил Нью-Йорк и они с Мими зачали ребенка.

Родители Дона были ревностными католиками, и тихуанский брак их не устраивал. Еще до отплытия их сын получил краткосрочный отпуск и в очередной раз поехал из одного конца страны в другой. 30 декабря 1944 года Дон и Мими снова связали себя брачными узами, на сей раз в приходе церкви Св. Григория Великого в Куинсе. На следующий день Дон официально попросил заменить в его документах ближайшего родственника с родителей на новоиспеченную миссис Мими Гэлвин.

Молодая жена мучалась токсикозом на протяжении нескольких месяцев. Практически все ее двенадцать беременностей сопровождались длительными неустрашимыми приступами

¹² 7 декабря 1941 года японские вооруженные силы атаковали базу американского ВМФ Перл Харбор на Гавайях, после чего США вступили во Вторую мировую войну. – *Прим. пер.*

¹³ Тихуана – ближайший к Калифорнии крупный город Мексики. В то время в США брачный возраст наступал в двадцать один год, а в Мексике можно было вступать в брак с восемнадцати лет. – *Прим. пер.*

утренней тошноты. Корабль, на котором служил ее молодой супруг, подошел к Японии в мае 1945 года, в разгар американских наступательных действий в Тихом океане. Задача Дона состояла в переброске солдат с корабля на берег. Мими ловила в радиопрограммах любые новости о «Грэнвилле» и едва не сошла с ума от ужаса, услышав о том, что он потоплен. Оказалось, что это преувеличение японской радиопропаганды, впрочем, не слишком сильное. На рейде Окинавы Дон много раз видел, как камикадзе топят десантные суда по обе стороны от его собственного. Ему приходилось часами вытаскивать из воды тела своих погибших товарищей. Дон никогда и никому не рассказывал о пережитом, даже Мими. Но он уцелел. А 21 июля 1945 года, за две недели до американских бомбардировок¹⁴, на борт «Грэнвилла» поступила телеграмма: «Это мальчик».

¹⁴ Имеются в виду ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 года соответственно. – *Прим. пер.*

Глава 2

1903

Дрезден, Германия

Наверное, вполне оправдано, что самый тщательно изученный, многократно интерпретированный и растасканный на цитаты рассказ о личном опыте параноидного психоза и буйного помешательства крайне труден для чтения.

Даниэль Пауль Шребер был сыном известного врача-педиатра, который испытывал свои оздоровительные методы на собственных детях. Даниэль и его брат оказались в числе первых, на ком Мориц Шребер экспериментировал с обливаниями ледяной водой, диетами, гимнастикой и конструкцией из палок и ремней под названием *Geradehalter*, призванной заставить ребенка сидеть прямо. Несмотря на такое непростое детство, Даниэль Шребер сумел достичь больших успехов и стал сначала адвокатом, а затем судьей. А потом произошел крах. В 1894 году пятидесятиоднолетнему Шреберу поставили диагноз «галлюцинаторное помешательство параноидного вида», и следующие девять лет он провел в лечебнице для душевнобольных в Зонненштайне неподалеку от Дрездена. Это была первая в Германии психиатрическая больница, целиком содержавшаяся за государственный счет.

Годы, проведенные в клинике, легли в основу книги Шребера «Воспоминания невропатологического больного», которая стала первым серьезным опытом описания загадочной болезни, известной в то время как *dementia praecox* (раннее слабоумие). Спустя несколько лет она получила название «шизофрения». Опубликованная в 1903 году, книга на протяжении следующих ста лет служила отправной точкой практически каждого обсуждения этой болезни. В период, когда заболели шестеро мальчиков из семьи Гэлвин, все взгляды и методы тогдашней психиатрии испытали на себе влияние полемики вокруг случая Шребера. Вообще-то, сам Шребер никак не рассчитывал, что его автобиография привлечет к себе столько внимания. Он написал воспоминания в качестве своего рода ходатайства об освобождении из сумасшедшего дома, и во многом по этой причине местами кажется, что он обращается к единственному читателю – доктору Паулю Эмилю Флексиху, отправившему его в сумасшедший дом. Книга начинается с обращения к Флексиху, в котором Шребер просит у врача прощения за то, что мог написать нечто, способное вызвать у того возмущение. Он надеется прояснить лишь один небольшой вопрос – не сам ли Флексих направлял тайные послания в его мозг на протяжении минувших девяти лет?

Глобальное телепатическое единение со своим врачом («вы воздействовали на мою нервную систему, даже находясь в других местах») было первым из нескольких десятков непривычных и сверхъестественных переживаний, о которых рассказывает Шребер на двухстах с лишним страницах. Образным языком, до конца понятным, вероятно, лишь ему самому, автор увлеченно пишет о том, что видел в небе два солнца и однажды заметил, что одно из них следует за ним повсюду. Он посвящает множество страниц путаному описанию скрытого «языка нервов», не различимого для подавляющего большинства людей. Души сотен человек пользовались этим языком, чтобы передавать Шреберу важнейшую информацию – о наводнении на Венере, распаде Солнечной системы и слиянии созвездия Кассиопеи в одну большую звезду.

В этом отношении у Шребера было очень много общего со старшим из детей Гэлвинов, Дональдом, который много лет спустя декламировал свой Священный орден духовенства перед семилетней Мэри в доме на Хидден-Вэлли. Как и Дональд, Шребер верил в то, что происходящее с ним имеет не физический, а духовный характер. Ни он, ни Дональд, ни кто-либо из Гэлвинов не смотрели на эти бредовые идеи со стороны с беспристрастным любопытством.

Они существовали внутри них, заставляя трепетать, поражаться, ужасаться и отчаиваться, а подчас все это сразу.

Будучи не в силах освободиться от происходящего с ним, Шребер старался вовлечь в это всех вокруг, чтобы поделиться своим опытом. В его мире моменты эйфории перемежались моментами невероятной слабости и незащитности. В своих воспоминаниях Шребер обвиняет доктора Флексиха в использовании языка нервов для совершения «убийства его души». (Как поясняет Шребер, души – очень уязвимые, «обширные шары или узлы» из чего-то вроде «тончайших нитей или волокна»). Затем возникло изнасилование. «По причине моей болезни я вступил в особые отношения с Богом, – пишет Шребер. – Поначалу эти отношения очень напоминали непорочное зачатие. Я имел, хотя и не совсем до конца развитые, женские гениталии. А внутри своего тела я ощущал тогда подпрыгивания и толчки, причем именно такие, которые соответствуют первым жизненным движениям человеческого эмбриона... то есть состоялось оплодотворение». По словам Шребера, он сменил пол и забеременел. При этом он испытывал отнюдь не святое воодушевление, а напротив, ощущал себя изнасилованным. Бог стал добровольным соучастником доктора Флексиха, «или даже главным подстрекателем», в заговоре с целью использовать его тело «как тело шлюхи». Мир Шребера по большей части представлял собой страшное, переполненное ужасами место.

У него была единственная величественная задача: «Моя цель состоит исключительно в более точном установлении истины в такой жизненно важной области, как религия». Это у него не вполне получилось. Зато написанное Шребером сослужило гораздо большую службу зарождавшейся в те времена неоднозначной и в высшей степени дискуссионной области науки – психиатрии.

Прежде чем изучение психических болезней стало наукой под названием «психиатрия», умопомешательство испокон веков считалось болезнью души, а страдающие им заслуживающими тюрьмы, ссылки или экзорцизма. В иудеохристианской традиции душа понимается как нечто отдельное от тела – сущность человеческой личности, к которой может обращаться Бог или завладевать дьявол. Первым примером душевного расстройства в Библии был царь Саул, оставленный Богом, на место которого пришел некий злой дух. Средневековая француженка Жанна д'Арк слышала голоса, которые считались сатанинскими, а после ее гибели, наоборот, пророческими. Даже в те времена определение безумия могло меняться в зависимости от преследуемых целей.

На самый поверхностный взгляд было вполне очевидно, что душевное расстройство иногда бывает семейной чертой. Самыми яркими примерами этого были царствующие особы. В XV веке английский король Генрих VI сначала сделался параноиком, затем онемел и стал безразличен к окружающему миру, после чего у него начались галлюцинации. Эта болезнь стала сигналом к началу династического конфликта, переросшего в войну Алой и Белой розы. Честно говоря, подобного итога можно было ожидать: такими же расстройствами психики страдали дед Генриха по матери, французский король Карл VI, его мать Жанна де Бурбон, дядя, дед и прадед. Говорить о безумии как о некоем биологическом явлении врачи начали лишь к концу XIX века. В 1896 году немецкий психиатр Эмиль Крепелин использовал понятие «раннее слабоумие» (*dementia praecox*). Он предполагал, что, в отличие от старческой деменции, этот недуг начинается в более раннем возрасте. Крепелин считал, что он вызывается неким «токсином» или «очаговыми поражениями головного мозга, природа которых пока не установлена». Двенадцатью годами позже швейцарский психиатр Ойген Блейлер ввел диагноз «шизофрения» для описания большинства симптомов, которые Крепелин объединял под понятием «раннее слабоумие». Он также считал, что эта болезнь может иметь некую физическую составляющую.

Блейлер использовал это новое слово из-за латинского корня «шизо», указывающего на резкое разделение ментальных функций. Этот его выбор оказался крайне неудачным. В большинстве произведений популярной культуры шизофрению путают с раздвоением личности – взять хотя бы «Психо»¹⁵, «Сивиллу»¹⁶ или «Три лица Евы»¹⁷. Однако это далеко не одно и то же. Блейлер пытался указать на разрыв между внешней и внутренней жизнью больного, на расхождение между восприятием и реальной действительностью. Шизофрения – это не множественная личность. Она отражает, как сознание человека постепенно отгораживается от реальности вплоть до полного отказа воспринимать ее так же, как окружающие.

Несмотря на попытки психиатров объяснять эту болезнь биологическими факторами, ее истинная природа оставалась малопонятной. То, что шизофрения может передаваться по наследству, не объясняло случаев, когда она возникала как бы сама собой, в частности случая Шребера. Базовый вопрос о том, является ли шизофрения наследственным заболеванием или возникает на ровном месте, занимал умы нескольких поколений ученых: психиатров, биологов, а впоследствии и генетиков. Как можно понять болезнь, не понимая ее причин?

Когда в 1911 году Зигмунд Фрейд наконец решил почитать записки Шребера, у него захватило дух. Венский теоретик и практик психоанализа, к тому моменту уже ставший признанным первопроходцем внутреннего мира человека, не проявлял интереса к бредовым психозам вроде шреберовского. Как практикующий невропатолог, он занимался подобными пациентами, но не видел никакого смысла укладывать их на кушетку психоаналитика. По его мнению, шизофреники слишком нарциссичны для результативного взаимодействия с психотерапевтом.

Однако книга Шребера (ее послал Фрейду его протеже, швейцарский психоаналитик Карл Юнг, который несколько лет упрашивал мэтра прочитать ее) перевернула представления Фрейда. Теперь у него появился полный доступ во все закоулки сознания помешавшегося человека. Обнаруженное там подтверждало все предположения ученого о механизмах бессознательного. В благодарственном письме Юнгу Фрейд отозвался о книге воспоминаний как о «своего рода откровении». В другом письме он заявил, что самого Шребера «следовало бы сделать профессором психиатрии и директором психиатрической больницы».

«Психоаналитические заметки об одном автобиографическом случае паранойи (*dementia paranoides*)» Фрейда увидели свет в 1911 году (в том же году сам Шребер трагически погиб в лечебнице, куда его вновь поместили после смерти матери). Книга Шребера убедила Фрейда в том, что бредовые идеи психически больных людей не слишком отличаются от иллюзий обычных невротиков, обусловлены аналогичными причинами и интерпретируются точно таким же образом. В воспоминаниях присутствовали символы и метафоры, прекрасно известные Фрейду по снам его пациентов. Он считал, что превращение Шребера в женщину и его непорочное зачатие были связаны со страхом кастрации. Одержимость больного психиатром Флексом свидетельствовала об Эдиповом комплексе. «Не забывайте, что отец Шребера был врачом», – писал Фрейд, в восторге от того, что установил взаимосвязь. «Происходящие с ним (Шребером) абсурдные перевоплощения суть язвительная сатира на отцовское врачебное искусство».

Похоже, что в хитросплетениях написанного Фрейдом лучше всех разобрался Карл Юнг. Прочитав присланную ему первую версию работы, он сразу же написал своему учителю, что считает ее «невероятно остроумной» и «блестяще написанной». Имелась лишь одна проблема – Юнг был категорически не согласен с Фрейдом. В основе его возражений лежал вопрос о при-

¹⁵ «Психо» – фильм режиссера Альфреда Хичкока 1960 года. – *Прим. пер.*

¹⁶ «Сивилла» – роман Флоры Шрайбер, опубликованный в 1973 году и ставший бестселлером. – *Прим. пер.*

¹⁷ «Три лица Евы» – американский фильм 1957 года. – *Прим. пер.*

роде бредовых состояний психики – является ли шизофрения врожденным недугом головного мозга или приобретенным вследствие событий, оставивших глубокий след в жизни человека? Имеет ли она природное происхождение или обусловлена жизненными обстоятельствами? В отличие от подавляющего большинства психиатров своего времени, Фрейд был уверен в полностью «психогенном» характере этой болезни, то есть в том, что она порождается бессознательным, сложившимся под влиянием опыта, часто сексуального, полученного в детские годы формирования личности. Что же касается Юнга, то он придерживался более конвенционального мнения о том, что шизофрения хотя бы отчасти является биологическим заболеванием, с большой долей вероятности унаследованной от кого-то из членов семьи.

На протяжении нескольких лет учитель и ученик время от времени вступали в полемику по этому поводу. Но в данном случае чаша терпения Юнга переполнилась. Он заявил Фрейду, что не все объясняется сексом – иногда люди сходят с ума по другим причинам, возможно врожденным. «В моем понимании концепция либидо нуждается в дополнении генетическим фактором», – писал Юнг.

Он поднимал этот вопрос снова и снова в целом ряде своих писем. Но Фрейд не вступал в дискуссию – он просто не отвечал на это. Такое поведение показалось Юнгу возмутительным, и в 1912 году он взорвался и перешел на личности. «Ваша манера относиться к ученикам как к пациентам вопиюще ошибочна, – писал Юнг. – Таким образом вы плодите либо раболепствующих подхалимов, либо беззастенчивых марионеток... А сами, удобно устроившись на вершине, взираете на них отеческим взглядом».

Позднее, в том же году, выступая в Фордемском университете в Нью-Йорке, Юнг выступил против Фрейда публично, резко раскритиковав его интерпретацию случая Шребера. Он заявил, что «шизофрению нельзя объяснять исключительно утратой эротического влечения». Юнг понимал, что Фрейд посчитает это вероотступничеством. «Он глубоко заблуждался, поскольку просто не понимал сути шизофрении», – писал позднее Юнг.

Окончательный разрыв между учителем и учеником был в большой мере обусловлен расхождением во взглядах на природу шизофрении. Самое знаменитое партнерство раннего периода существования психоанализа прекратило свое существование. Однако споры о происхождении и природе шизофрении только начинались.

Сейчас, больше века спустя, эта болезнь поражает примерно каждого сотого человека на планете. То есть ей подвержены более трех миллионов американцев и восемьдесят два миллиона человек во всем мире. По одной из оценок, пациенты с этим диагнозом занимают около трети мест в психиатрических клиниках Соединенных Штатов. Согласно другой – ежегодно около сорока процентов взрослых с этим заболеванием вообще не получают медицинской помощи. Каждый двадцатый случай шизофрении заканчивается самоубийством.

На сегодняшний день в науке существуют сотни трудов о Шребере, авторы каждого из которых делают собственные попытки осмысления личности больного и его недуга, куда более смелые по сравнению с идеями Фрейда и Юнга. Французский психоаналитик, отец философии постструктурализма Жак Лакан писал, что проблемы Шребера выросли из фрустрации в связи с невозможностью быть фаллосом, отсутствовавшим у его матери. В начале 1970-х французский социолог и икона контркультуры Мишель Фуко сделал из Шребера своего рода мученика, жертву общественных механизмов, направленных на подавление индивидуальности. И даже в наши дни воспоминания Шребера продолжают служить чистым холстом, а их автор – идеальным пациентом, то есть неспособным возразить. В то же время центральный вопрос о шизофрении, поставленный случаем Шребера, – «природа или жизненные обстоятельства?» – сильно влияет на наше восприятие этой болезни.

Гэлвины появлялись на свет на фоне непрекращающихся споров по этому вопросу. К моменту их взросления дискуссионная область распадалась, разделялась и подразделялась

почти как живая клетка. Одни считали проблему биохимической, другие неврологической, третьи генетической, а были еще и сторонники ее экологического, вирусного или бактериального происхождения. По выражению историка психиатрии из Торонто Эдварда Шортера, «шизофрения – кладезь теорий», и в XX веке эти теории появлялись едва ли не сотнями. И при этом правда о том, что представляет собой шизофрения, каковы ее причины, как можно облегчить симптомы, оставалась скрытой глубоко внутри людей, страдающих этим заболеванием.

Пытаясь найти биологический ключ к разгадке шизофрении, ученые постоянно искали объекты или эксперименты, которые позволили бы раз и навсегда решить вопрос о причинах заболевания. А что, если где-то есть целая семья Шреберов – идеальная обособленная группа с общей генетической наследственностью? Образцовая выборка с заболеваемостью, достаточной для того, чтобы четко установить, что происходит с некоторыми или даже со всеми ее членами?

Например, такая семья, как Дон и Мими Гэлвин и их двенадцать детей.

Глава 3

Дон
Мими

Дональд
Джим
Джон
Брайан
Майкл
Ричард
Джо
Марк
Мэтт
Питер
Маргарет
Мэри

В первые годы брака Мими шутила, что муж проводит дома ровно столько времени, сколько нужно, чтобы сделать ей очередного ребенка.

Первенец, Дональд Кенъон Гэлвин, получил свое имя в сентябре 1945 года, через несколько дней после капитуляции Японии. Мама перенесла роды без проблем – это был единственный раз, когда Мими согласилась на анестезию. Младенец и мать жили в небольшой квартирке в Форест-Хиллз, спокойном нью-йоркском районе неподалеку от знаменитого теннисного клуба. В промежутках между гуляниями с коляской Мими училась готовить. Шесть месяцев она провела наедине с малышом Дональдом, внимательно вслушиваясь в новости и гадая, когда же наконец доберется до дома отец ее ребенка.

Дон вернулся сразу после Рождества и провел с семьей несколько месяцев, временно работая офицером безопасности на судостроительном заводе в Кирни в Нью-Джерси. Затем он снова уехал – на сей раз на три месяца в Вашингтон, чтобы закончить свой бакалавриат в Джорджтаунском университете. После этого летом 1947 года, спустя несколько недель после рождения второго сына, Джима, он отправился на курсы переподготовки офицеров ВМС в Нью-порте (штат Род-Айленд). На этот раз он взял Мими и малышкой с собой, а через год они вновь последовали за ним в Норфолк (штат Вирджиния), где он служил на кораблях ВМС «Адамс» и «Джуно» и перемещался между Нью-Йорком, Панамой, Тринидадом, Пуэрто-Рико и прочими странами Карибского бассейна. Все это время Мими оставалась дома с мальчиками, неделями ожидая его возвращения.

Мими совершенно иначе представляла себе их послевоенную жизнь. Она мечтала, что муж пойдет учиться на юриста, как оба ее дяди и дед по отцовской линии Томас Линдсей Блейни, которого она обожала, несмотря на изгнание отца из семьи. Мими хотела жить в Нью-Йорке в окружении родных. Там у их детей были бы кузины и кузены, тети и дяди и детство, которого она лишилась, вынужденно покинув Техас еще ребенком.

Дон поддерживал эти представления или только делал вид. Свои мечты были и у него. Со свойственным ему очарованием он объяснял, что служба на флоте является не более чем средством достижения цели и он считает, что сможет убедить ВМС спонсировать его учебу на юриста или, еще лучше, на политолога, ведь эта область интересует его намного больше. К сожалению, его расчеты не оправдались. Невзирая на самые блестящие характеристики и рекомендации его командиров, все его заявки на поступление в магистратуру раз за разом

отклонялись. Это выглядело так, будто все время вместо него зачисляют кого-то со связями, сына конгрессмена или племянника сенатора.

Когда муж был в плавании, Мими оставалась в Норфолке одна и экономила каждую копейку. И без того не слишком крупные чеки с флотским жалованьем Дона (около тридцати пяти долларов в неделю) то и дело терялись в почте, и ей приходилось занимать у соседей на продукты. Правда, когда Дон оказывался на суше, все обстояло совершенно иначе. Молодой лейтенант с университетским образованием, знающий иностранные языки и интересующийся международными отношениями, производил хорошее впечатление на окружающих. На «Джуно» Дон служил корабельным секретарем, и там ему не было равных в шахматах. В перерывах между плаваниями он регулярно играл в теннис с капитаном своего корабля и вместе с Мими общался со старшими офицерами Норфолкского штабного колледжа. Среди них он прославился умением делать коктейль «Железный занавес» – оглушительную смесь водки с горькой настойкой Jaegermeister. Спокойный и уверенный в себе, Дон с его профессорским видом производил впечатление на генералов и адмиралов, а равным образом и как минимум на одну из их жен, которая в качестве пассажирки оказалась на борту «Джуно», отправлявшегося в Панаму.

На военном корабле не так много мест для уединения, но найти их можно. Однако на берегу хранить секреты непросто. Эта офицерская жена не представляла себе, что одна из ее подружек знакома с супругой Дона Гэлвина. Узнав подробности того рейса в Панаму, Мими окончательно перестала смотреть на мир сквозь розовые очки любимой жены блестящего молодого флотского офицера. Наверное, она всегда находилась под влиянием Дона в большей степени, чем кто-либо еще. Но сейчас, с двумя маленькими детьми на руках, Мими прекрасно сознавала, что он нужен ей больше, чем она ему.

Дон подал заявку на зачисление в юридическую школу, взамен обязавшись прослужить в ВМС следующие шесть лет. Ему отказали. Он попросил перевести его в Панаму, на Кубу или в Атлантический округ – там морские офицеры могли получать юридическую подготовку. Ему снова отказали.

В результате следующей, крайне болезненной беременности в конце 1949 года в Норфолке на свет появился третий сын Гэлвинов, Джон. На этот раз Дон снова отсутствовал – его отправили на четырехмесячные курсы переподготовки в Гленвью, штат Иллинойс. Мими и дети оставались в Норфолке, а Дон изо всех сил старался получить перевод куда-нибудь, все равно куда. А затем он узнал, что «Джуно» меняет порт приписки на залив Западного побережья Пьюджет-Саунд, который находится на другом конце страны, недалеко от Кореи, где дело шло к войне.

Терпение Мими лопнуло. Дону было пора уходить со службы в ВМС. 23 января 1950 года он официально известил командование о своем намерении письмом, в котором прямо объяснил это личными причинами. «Отсутствие полноценной семейной жизни является достаточным основанием для увольнения в запас, – написал Дон. – Оставшись на флоте, я лишу мою жену и троих сыновей нормальной семейной жизни и дома». Кроме того, он был явно уязвлен всеми полученными отказами, которые считал неспособностью ВМС по достоинству оценить его потенциал. С него хватило проигнорированных просьб о направлении в юридическую школу. «Мотивация появляется, только когда мы хотим что-то сделать или кто-то прививает нам стремление к этому. На службе в ВМС я не испытывал никакой мотивации», – написал он.

Мими вздохнула с облегчением. Наконец-то ее долгой ссылке в незнакомые захолустные городки наступит конец. Они собирались вернуться в Нью-Йорк, Дон поступит на юридический факультет Фордэмского университета, и начнется жизнь, о которой она все время мечтала. Они стали подыскивать себе дом в Левиттауне на Лонг-Айленде неподалеку от Нью-Йорка – новом районе, который застраивали типовыми бюджетными домами. Им нужен был

дом, достаточно просторный для маленьких Дональда, Джима и Джона и, возможно, для будущих пополнений семейства.

Однако Мими понятия не имела о разговорах Дона с его братом Кларком, который недавно стал офицером ВВС США. В отличие от военного флота, ВВС представляли собой еще не до конца сформировавшийся институт, и все в них выглядело свежим и бодрым. У пилотов даже еще не было темно-синих мундиров, и они носили полевую форму, оставшуюся со времен войны. ВВС отчаянно требовались люди, причем настолько отчаянно, что, как выяснил Дон, сразу после приема на службу его произведут в офицеры.

27 ноября 1950 года, спустя десять месяцев после увольнения из ВМС, Дон поступил на службу в военно-воздушные силы в чине старшего лейтенанта. Мими поразила беспечность, с которой он отказался от всех договоренностей, которые, как она считала, существовали между ними относительно планов на дальнейшую жизнь. Америка посылает войска в Корею, а ему снова приспичило служить? Почему они постоянно не совпадают друг с другом? Почему он настолько холоден и безразличен по отношению к ней?

Дон, как всегда, был очень убедителен. Кларк как-то возил его на авиабазу Митчелфилд на Лонг-Айленде, где располагается национальная штаб-квартира ВВС. Дон спросил Мими, не все ли ей равно, будет он ездить в Бронкс учиться на юриста или на Лонг-Айленд преподавать? В любом случае жить ведь они будут в Левиттауне. Кроме того, у Дона сохранились амбиции. Сегодня Америка – мировой лидер на пути в светлое будущее. Самолеты, только что разгромившие фашизм, будут пролетать прямо над задним двориком их дома. Нужно ли ему перебирать бумажки в каком-то небоскребе, дожидаясь, когда можно сесть на электричку и поехать домой? Или он хочет быть участником всего этого и однажды стать экспертом по международным делам, к которому прислушиваются президенты?

Мими с Доном скопили достаточно денег на первый взнос за дом. Они практически уже выбрали его, и вдруг командование ВВС совершенно неожиданно объявило о том, что штаб-квартира перемещается в штат Колорадо. На этот раз Дон был потрясен не меньше, чем Мими. Переезд планировался в Вашингтоне без какой-либо огласки, и никто из их знакомых об этом ничего не знал.

После непродолжительной паники они забрали свой первый взнос. Дон прибыл к месту службы на авиабазу Энт в Колорадо-Спрингс 24 января 1951 года. Мими с детьми приехала к нему перед Днем святого Валентина.

Вокруг, куда ни кинешь взгляд, были скалы – до самого горизонта, всех оттенков бурого, с величественными открытыми пространствами, разглаженными прохождением ледников и театрально нависающими над равнинами буйными выбросами горных пород. Здесь били источники Маниту-Спрингс с минеральными водами, обладающими поистине целебными свойствами. Горные районы, известность которым принесла золотая лихорадка, разыгравшаяся в этой части Колорадо столетие назад. Мими окружали красоты, хотя любоваться ими она была совершенно не расположена.

Сам город на момент приезда Мими с мальчиками выглядел не лучшим образом. Царила засуха. Подачу воды ограничивали. Зеленая травка и цветы росли даже у дома матери Мими в Нью-Йорке, а теперь она видела только коричневые тона. Здесь не было ни балета, ни искусства, ни культуры, в общем, ничего и близко похожего на жизнь, о которой Мими мечтала ребенком. Дом, который нашел для семьи Дон, располагался на тихой улице под названием Каш-Ля-Пудр. Впрочем, по меркам Колорадо-Спрингс, она считалась оживленной магистралью. Разумеется, и сам дом не имел ничего общего с Левиттауном: это был перестроенный фуражный сарай с винтовой лестницей и безнадежно испорченными дощатыми полами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.